

Александр Амфитеатров

Насильники



Александр Валентинович Амфитеатров

Насильники (Женское нестроение #14)

«Въ то время, какъ мы, передовые россияне ХХ-го вѣка, жуемъ и пережевываемъ вопросъ о женскомъ политическомъ равноправіи, съ тѣмъ, чтобы, въ конечномъ результатѣ жеванія, выплюнуть постыдное «нѣтъ», – нравы милаго отечества нашего весьма замѣтно и увѣренно пятятся къ вѣку Х-му: къ древлянской патріархальности, которая умыкала женъ у воды, жила обычаемъ звѣринымъ и срамословила предъ матерями и снохами своими. Тонъ этому восхитительному попятному движенію общественнаго темперамента дали, конечно, безстыдства разнузданныхъ хулигановъ, на службѣ у погромной политики, воинствующей подъ знаменемъ «Все позволено». Пресловутое паломничество черной сотни за оптовою индульгенціей отъ іерусалимскаго патріарха сѣло на мель. Но оно, собственно говоря, и не нужно было, – лишняя роскошь...»

Произведение дается в дореформенном алфавите.

**Александр Валентинович
Амфитеатров
Насильники**

Прочиталь я объ отвратительномъ преступленіи на Николаевской желѣзной дорогѣ, разоблаченномъ, благодаря студенту Феликсу Борецкому....

– Опять!.. Когда же этимъ свинствамъ конецъ будетъ?

Въ то время, какъ мы, передовые россияне ХХ-го вѣка, жуемъ и пережевываемъ вопросъ о женскомъ политическомъ равноправіи, съ тѣмъ, чтобы, въ конечномъ результатѣ жеванія, выплюнуть постыдное «нѣтъ», – нравы милаго отечества нашего весьма замѣтно и увѣренно пятятся къ вѣку Х-му: къ древлянской патріархальности, которая умыкала женъ у воды, жила обычаемъ звѣринымъ и срамословила предъ матерями и снохами своими. Тонъ этому восхитительному попятному движенію общественнаго темперамента дали, конечно, безстыдства разнузданныхъ хулигановъ, на службѣ у погромной политики, воинствующей подъ знаменемъ «Все позволено». Пресловутое паломничество черной сотни за оптовою индульгенціей отъ іерусалимскаго патріарха сѣло на мель. Но оно, собственно говоря, и не нужно было, – лишняя

роскошь. Они, паломники эти, давным-давно само себѣ все позволили. Сейчасъ по Руси мечется, будто стая бѣшеныхъ волковъ, не одна сотня, быть можетъ, даже не одна тысяча, сполоумленныхъ проклятымъ девизомъ этихъ человѣкоподобныхъ павіановъ – Карамазовыхъ, которымъ карамазовщину прививаетъ политика не только ласкательной и заигрывающей, но даже взяточной безнаказанности. Все позволено, – лишь бы «мѣткій твой кистень» пребылъ съ нами во всѣ дни, всегда наготовѣ засвистать надъ враждебнымъ станомъ «погибающихъ за великое дѣло любви»! Россія переживаетъ сейчасъ времена, очень похожія на тѣ, когда по Италіи бродили стада двуногого сброда, которыя народъ выразительно называлъ «сволочью Бурбона». Встрѣча съ сими человѣкообразными несла для мужчины грабежъ и смерть или увѣчье, а для женщины – непремѣнное изнасилованіе. И на нихъ не было никакого суда – ни человѣческаго, ни божескаго. Потому что ге Bomba авансировалъ имъ уголовную амнистію, а папа Пій IX отпущеніе грѣховъ прошлыхъ, настоящихъ и будущихъ. При

всей своей гуманности, при всемъ своемъ отвращеніи къ пролитію крови, Гарибальди разстрѣливалъ «сволочь Бурбона», именно какъ бѣшеныхъ волковъ.

«Сволочь Бурбона», въ Италіи, была арьергардомъ и отраженіемъ арміи и полиціи деспотическаго королевства, развивавшихъ тѣ же нравы. Русскимъ, пережившимъ 1905–1907 годы: ужасы черносотенныхъ погромовъ и усмирительныхъ экспедицій, тутъ комментаріи излишни: sapienti sat!..Позволю себѣ напомнить читателямъ маленькой эпизодъ изъ исторіи еще первой Думы, навѣрное, забытый ими, – такъ мимолетно скользнулъ онъ въ отчетахъ, да и приключился-то онъ чуть ли не въ предпоследнее засѣданіе покойнаго «парламента». Кто-то изъ депутатовъ требовалъ интерпелляціи по поводу отчаянныхъ телеграммъ изъ Подольской губерніи, что «солдаты насилуютъ дѣвушекъ и разбиваютъ сундуки». Противникомъ интерпелляціи выступилъ Михаилъ Стаховичъ. Онъ съ жаромъ доказывалъ, что Дума незначѣмъ отвлекаться отъ очередныхъ занятій, такъ какъ запросъ, возбуждаемый по поводу подольской

телеграммы, не принадлежить къ числу спѣшныхъ.... До какого отчаянія въ странѣ своей надо дойти, чтобы провозгласить вопросомъ второстепенной категоріи и неспѣшнымъ къ разрѣшенію протестъ противъ изнасилованія женщинъ: есть, молъ, у насъ счеты кое съ чѣмъ поважнѣе!.. На чувствѣ русскаго человѣка, уже нѣсколько лѣтъ одержимаго, изо дня въ день, чудовищными впечатлѣніями совершенно сказочной дѣйствительности, набился претолстый мозоль, который болитъ только въ томъ случаѣ, если на него наступаютъ прямо и непосредственно.

Когда вся Россія полна была шумомъ по дѣлу Спиридоновой, пріятель, возвратившійся изъ Ниццы, рассказывалъ мнѣ разговоръ, случайно слышанный имъ на Promenade des Anglais, между двумя няньками, завезенными изъ Россіи катать вдоль моря въ колясочкахъ какихъ-то высокопоставленно-рахитическихъ дѣтей. Русскія Ѳетиньи чрезвычайно интересовались участію Спиридоновой, ужасались ея жестокими страданіями, ругали ея палачей и очень одоб-

ряли лицъ, энергически развивающихъ ея защиту. Но и критиковали.

– Вишь! – сказала одна изъ Ѳетиній – какъ господа крѣпко взялись, когда это самое дѣло дошло до своей сестры...

Стрѣла простодушная, несомнѣнно неумышленная, но тѣмъ болѣе болѣзненно раящая нашего брата, интеллигента, прямо въ сердце. Вѣдь, вѣрно, правда это, господа. До того прочно рабство, столѣтіями воспитаннаго въ насъ и не успѣвшаго еще перевоспитаться, стараго классоваго чувства, со всѣми натертыми мозолями его симпатій и безразличій, что даже для такой примитивной эмоціи, какъ возмущеніе нарушеніемъ женской чести, русскому обществу необходимо было дождаться, чтобы это дѣло, какъ выражается ниццская Ѳетинья, «дошло до своей сестры». Дѣло Спиридоновой всколыхнуло негодованіемъ всю Россію, а потомъ Европу и Америку, потому что была опозорена интеллигентка, гимназистка, революціонерка. Сколько исключительныхъ условій, отягчающихъ вину, чтобы мерзости Жданова и Аврамова произвели должное впечатлѣніе. Все,

что пережила Спиридонова, безпредѣльно ужасно. Но, увы, не одна Спиридонова въ Россіи. — Какъ водится у насъ, затрепавъ своимъ внимаемъ единичный актъ насилія до того, что онъ сталь нарицательнымъ, общество гипнотизировалось имъ, почти не отвѣчая на тѣ видѣнія, однородныя и еще болѣе чудовищныя, которыя клубятся позади этой гипнотизирующей точки. Спиридоновыхъ въ Россіи была не одна, а сотни. Но эти, сотнями исчисляемыя Спиридоновы, не учились въ гимназіяхъ, не участвовали въ политическихъ партіяхъ, не стрѣляли въ чиновниковъ, — словомъ, для интеллигенціи, для образованныхъ людей, пишущихъ въ газетахъ и проповѣдующихъ съ трибунъ и кафедръ, онѣ не были «своими сестрами». И вотъ бѣда ихъ, къ стыду общества, оказалась — какъ-будто — въ польбѣды. Она оставалась предметомъ теоретическихъ негодованій, безъ всякаго перехода въ практической протестъ дѣйствіемъ. Эти несчетныя, темныя Спиридоновы страдали, гибли, позорились не за борьбу, не за войну съ правительствомъ, а просто потому, что онѣ женщины, что у нихъ есть женская честь,

которую можно отнять, и есть достаточно вооруженныхъ скотовъ, охочихъ до этого занятія, которымъ женская честь предавалась въ наградное пользованіе – въ родѣ прибавки къ пайку, что ли, или приварка какого-нибудь.

Мы возмущались Спиридоновскимъ бѣдствіемъ. Но много ли въ Россіи женщинъ были гарантированы отъ того, что вся спиридоновская исторія не будетъ продѣлана съ ними, при томъ, съ гораздо большею легкостью, быстротою и удобствомъ, такъ сказать, въ упрощенномъ изданіи, чѣмъ продѣлывали господа Аврамовъ и Ждановъ, все-таки, хоть сколько-нибудь да стѣсненные – ну, просто хотя бы соображешьями о томъ, что ввѣрена имъ не какая-нибудь случайная, заурядъ преступница, а важная политическая арестантка, которая и въ тюрьмѣ не беззащитна, потому что за ея судьбою слѣдятъ глаза многихъ... Изъ того, что Аврамовъ и Ждановъ посягнули на Спиридонову, слѣдуетъ, что эти господа, не тѣмъ будь помянуты, были исключительно дерзкими и безстрашными по части какой бы то ни было отвѣтственности. Эти господа, –

что называется, о двухъ головахъ. Но надъ тѣми злополучными сестрами Спиридоновой, которыя «не свои сестры», издѣвались и ругались совсѣмъ не исключительные изверги рода человѣческаго, а просто сѣрая солдатская блажь, одурѣвшая отъ крови, пожара, бойни по командѣ и любезной терпимости начальства ко всякому пороку.

Безчисленныя, безъотвѣтныя, беззащитныя женскія жертвы солдатскаго разврата — быть можетъ, самый большой русскій ужасъ нашего времени, страшнѣйшій даже массовыхъ убійствъ, которыя одѣваютъ трауромъ города и села нашей родины.

Семья въ Россіи не есть соціальное правило, но лишь своеобразное государственное отличіе, даруемое за политическую благонадежность и отнимаемое за сомнительность оной. Еще въ тѣ дни, когда Оболенскій, послѣ знаменитыхъ беспорядковъ въ Харьковской и Полтавской губерніяхъ, положившихъ начало русской аграрной революціи, сѣкъ и истязалъ усмиренныхъ крестьянъ, генераль, начальствовавшій экзекуціоннымъ отрядомъ, по окончаніи сѣкуціи, безцеремонно гово-

рилъ выпоротымъ мужикамъ: «Теперь вы больше намъ не нужны, ступайте, хохлы, въ степь, а казаки позабавятся съ вашими бабами».

И хохлы, подъ берданками, шли въ степь, а деревня наполнялась воплемъ преслѣдуемыхъ бабъ... Мнѣ рассказывали очевидцы, что несчастныхъ позорили всенародно, въ солдатскомъ кругу, а вельможное начальство, укрывшись для приличія въ избу получше и почище, смотрѣло изъ оконъ, попивая шампанское, хохотало и отпускало каламбуры... А мужики, безоружные, стояли въ степи, подъ дулами берданокъ... Вотъ тема беллетристу-психологу, не боящемуся натуралистическихъ картинъ...

Читая газетные отчеты и частныя письма объ усмиреніяхъ солдатами и, въ особенности, казаками русскихъ окраинъ, можно подумать, что тамъ дерутся съ крестьянами не люди и даже не черти, а полки переодѣтыхъ въ сѣрыя шинели и въ черкески сладострастныхъ обезьянъ. Что же? Въ индійской миѳологіи былъ и такой случай. У Вишну былъ союзникомъ обезьяній царь Гануманъ,

онъ командовалъ обезьяньей арміей и даже благополучно побѣдилъ кого-то. Ну, такъ вотъ, я думаю, что въ моментъ своей побѣды эта обезьянья армія вела себя, все-таки, лучше, чѣмъ казаки въ Закавказьи, и ни о какомъ Гануманѣ нельзя рассказать того, что вытерпѣла бумага оффиціального отчета по слѣдствію о злоупотребленіяхъ казакъ-усмирителей, произведенному г. Вейденбаумомъ въ Шущинскомъ уѣздѣ. Если бы эти вещи не были засвѣдѣтельствованы оффиціальнымъ дознаніемъ, всегда склоннымъ смягчать происшествія, непріятныя для правительственной репутаціи, до минимума въ дѣйствительности, эти строки можно было бы принять за отрывокъ изъ романа какого-либо сумасшедшаго эротомана, въ родѣ знаменитаго маркиза де-Садъ. Отчетъ г. Вейденбаума заключаетъ въ себѣ такія грязныя подробности, что прочитавъ ихъ вслухъ съ эстрады или съ кафедры не поворотится самый смѣлый языкъ. А это уже не «революціонная сказка», но оффиціальныи отчетъ!

«Командированная кавказскимъ

намѣстникомъ слѣдственная
комиссія, подѣ предсѣдательствомъ
Г. Д. Вейденбаума, объѣхала
пострадавшія армянскія селенія, свы-
ше пятнадцати. Удостоверены факты
грабежа и насилій; изнасилована ро-
дильница. Г. Вейденбаумъ лично
посѣтилъ эту несчастную женщину.
Въ Гюнэ и въ Чертазѣ констатированы
многочисленные факты физическаго
насилія, грабежи и поджоги. Въ Суѣ
обнаруженъ большой грабежъ и фактъ
поголовнаго избіенія крестьянъ,
изнасилованія одиннадцати женщинъ
и растлѣнія параличемъ разбитой
двѣнадцатилѣтней дѣвочки, которую
изверги вырвали изъ объятій стари-
ка-дѣда. Разслѣдованіе фактовъ произ-
вело на комиссію невыносимо тяже-
лое впечатлѣніе. Сообщенія епископа
Ашота объ ужасахъ не только под-
тверждаются, но блѣднѣютъ предѣ
дѣйствительностью. Нѣтъ селенія,
гдѣ бы не были сожжены дома со
всѣмъ имуществомъ. Въ Тугѣ сожженъ
двухъэтажный домъ Муселянца, съ
хлѣбнымъ амбаромъ и складомъ ману-
фактурныхъ товаровъ. Вездѣ казака-

мъ давалась полная свобода. Въ нѣкоторыхъ селеніяхъ нѣсколько дней грабили, избивали, истязали, изнасиловали женщинъ и дѣвицъ, вырывая ихъ подъ часъ изъ рукъ отцовъ, братьевъ и мужей, ловя ихъ въ горахъ, въ садахъ и въ лѣсахъ, Рѣдко кто избавился отъ побоевъ, истязаній, ограбленія, а изъ женщинъ спаслась отъ позора лишь часть убѣжавшихъ или скрывшихся въ секретныхъ мѣстахъ домовъ. Въ селеніи Сосъ умеръ отъ побоевъ Аванесъ Аирапетянцъ. Товарищу прокурора было заявлено объ этомъ, но слѣдствія и вскрытія произведено не было до сихъ поръ. Мать Аванеса, семидесятилѣтняя старуха, изнасилована пятью казаками. Въ селеніи Азохъ казаки требовали отъ Хосрова Карапетянца отдать жену. Получивъ отказъ, они повалили ее и изнасиловали. Одна азохская женщина изнасилована на глазахъ дѣтей, затѣмъ ее заставили цѣловать половые органы. Уничтожено казаками многое, чего не могли они взять. Награбленные же вещи, навьючивъ ими лошадей, они отвезли въ переселенческое селеніе Скобелевку, ча-

стью же продавали дорогой. Пострадали преимущественно тѣ селенія, которыя подвергались раньше нападенію татаръ. Въ селеніи Чертазѣ саблей казака раненъ священникъ, у другого священника ограбленъ сосудъ со Св. Тайнами. Есть при смерти избитые, неизлечимые, изувѣченные, преждевременные роды, выкидыши, случаи смерти новорожденныхъ. Въ горахъ многія женщины сдѣлались истеричными. Паника настолько сильна, что, когда комиссія подъѣзжала къ селеніямъ, женщины, несмотря на предупрежденія быть спокойными, бѣжали въ горы и въ сады. Названныя селенія окончательно разорены и опустошены на глазахъ мѣстныхъ военныхъ и административныхъ властей. Отрядъ былъ подъ начальствомъ полковника Веверна, офицеровъ Бирюлкина, Гаджіева, въ сопровожденіи уѣзднаго начальника Фрейлиха, мирового посредника Ермолаева, пристава Фота. Ермолаевъ по свидѣтельству многихъ, поощрялъ казаковъ, а нѣкоторые дома самъ обливалъ керосиномъ и поджигалъ».

(№ 76 «Тифл. Листка»).

Прудонъ говорилъ, что изнасилованіе женщинъ – неизбѣжное зло всѣхъ войнъ и осадъ: во всякой цивилизаціи, все равно, женщины побѣжденныхъ – добыча побѣдителей. Но даже въ городахъ, взятыхъ самымъ дикимъ штурмомъ, гнусности, подобныя описаннымъ въ отчетѣ Вейденбаума, бывали только какъ отвратительныя исключенія. Солдаты Суворова не болѣе свирѣпствовали въ Измаилѣ и сволочь Бурбона во взятомъ съ боя Римѣ, чѣмъ русское казачество среди мирнаго населенія шушинскихъ армянъ. Комментировать тутъ нечего. Отчетъ говоритъ самъ за себя. Пьянство виномъ и кровью свело съ ума толпу людей. И вотъ – мы свидѣтели эпидеміи какого-то повальнаго садизма, насильническаго щегольства развратомъ не нормальнымъ, противнымъ, на зло и на перекоръ естественному инстинкту, – rien n'est sacré pour un sapeur! – нѣтъ, молъ, ничего такого, на что казакъ не смѣетъ посягнуть! Двѣнадцатилѣтняя дѣвочка, семидесятилѣтняя старуха, родильница, паралитическій уродецъ – всѣхъ въ одну кучу!.. Надругательство утонченное, фокусниче-

ское, именно садистическое, – не только порывъ къ грубому наслажденію, но и злорадное, бѣсовское желаніе унижить, насладиться страданіемъ, позоромъ, оплеваніемъ жертвы... Еще Достоевскій отмѣтилъ, что садизмъ – частое явленіе въ русскомъ старчевствѣ. Ну, судя по отчету Вейденбаума, хороша бываетъ и воинственная молодежь. О такихъ фактахъ, какъ изнасилованіе параличныхъ, семидесятилѣтнихъ старухъ, цѣлованіе половыхъ органовъ и т. п., до сихъ поръ міръ узнавалъ только изъ психопатологическихъ наблюденій Крафтъ Эбинга, Маньяна, Тарновскаго, по лечебницамъ нервныхъ и психическихъ больныхъ. Это сумасшедшій домъ, адъ половой психопатіи, вырвавшійся на волю!

Ну, да ужъ хорошо. Кавказъ, – край, такъ сказать, экзотическій, а армяне суть «бунтовщики», съ коими христоробивому воинству предписывается поступать, какъ съ воюющей стороной, и даже хуже, ибо войны имѣютъ хоть какіе-нибудь свои международные законы, а войны гражданскія подъ наблюденіемъ Женевской конвенціи не состоятъ. Обратимся внутрь Россіи, въ тихую украинскую ночь.

«Знаете ли вы украинскую ночь? Нѣтъ, вы не знаете украинской ночи!»

Городъ Конотопъ. Десять часовъ вечера. Молодая телеграфистка Ц. возвращается со службы домой.

На Дворцовой улицѣ ее встрѣтили два донскихъ казака и остановили ее грубыми окриками: «куда идешь? Пропускъ есть?» Зная, что подобные вопросы предлагаются казаками всѣмъ встрѣчнымъ, г-жа Ц. совершенно спокойно отвѣтила, что пропуска у нея нѣтъ, но что, если они сомнѣваются въ ея личности, то могутъ дойти вмѣстѣ съ ней до почтово-телеграфной конторы, гдѣ начальникъ и удостовѣритъ, что она служащая. Казаки долго молчали. Тогда Ц. снова повторила свою просьбу отпустить ее домой или же, въ крайнемъ случаѣ, отправиться въ полицію и не держать на улицѣ. Казаки переглянулись, и одинъ изъ нихъ, сходявъ за чѣмъ-то въ ближайшій дворъ, заявилъ своему товарищу:

— Теперь можемъ расправляться, какъ хотимъ!..

Предчувствуя что-то недоброе, дѣвушка снова начала упрашивать отпустить ее. Тогда

одинъ изъ казаковъ, обнаживъ свою шашку и приложивъ ее къ шеѣ перепуганной Ц., крикнулъ:

– Вы знаете, что намъ дано право рубить! Идите за нами, а тамъ скажутъ, какъ съ вами поступить.

Само собой, что послѣ такихъ аргументовъ дѣвушка пошла за ними безпрекословно. Казаки повели ее въ пустую чайную, но, убѣдившись, что она заперта, повернули на базаръ и стали подыскивать соотвѣтствующій ихъ намѣреніямъ торговый навѣсъ. Въ это время проходилъ какой-то человекъ, и у дѣвушки появилась надежда на спасеніе, но казаки ударили этого незнакомца палкой, и онъ пустился бѣжать. Теперь все было кончено и потеряно. Безлюдная площадь, темная, глухая ночь, слабая дѣвушка – два вооруженныхъ звѣря-казака. Ц. бросилась на колѣни и стала умолять казаковъ пощадить ее, но одинъ изъ донцевъ, побуждаемый своимъ товарищемъ «работать быстрѣй», ударилъ ее обнаженной шашкой по головѣ, схватилъ за шейный платокъ и бросилъ на уже разостланную шинель...

Казаци чередовались...

Наконецъ, они встали, и она нашла еще въ себѣ силы снова умолять ихъ – отпустить ее, хотя бы теперь. Они о чемъ-то пошептались, и одинъ изъ нихъ заявилъ ей, что проводитъ ее до дому. Они повели ее въ конюшню и тамъ начали «угощать» ею своихъ товарищей.

Ц. была въ безпамятствѣ.

Когда уже не было желающихъ, ее привели въ чувство и потащили въ полицію.

Дорогой имъ встрѣтился ея отецъ. Старикъ искалъ ее по всему городу. Ц. увидѣла отца, и съ ней сдѣлалась истерика. Казаки поспѣшили скрыться. На слѣдующій день о всемъ происшедшемъ было залвлено полиціи, и началось разслѣдованіе.

Освидѣтельствовавшій врачъ удостоверялъ, что Ц. «не болѣе сутокъ тому назадъ лишена невинности и что грубое насиліе надъ ней производилось много разъ подрядъ. Потерпѣвшей было предъявлено нѣсколько казаковъ, среди которыхъ она сразу узнала своего главнаго, перваго насильника, того, что все грозилъ ей шашкой – Вѣнцова. Затѣмъ она припомнила еще

двухъ – Вяликова и Латошникова. Остальны-хъ же она узнать не могла, – во-первыхъ, то-гда было темно, во-вторыхъ, она долгое время находилась въ состояніи безпамятства.

Военный судъ приговорилъ Вѣнцова къ 10-тилѣтнимъ каторжнымъ работамъ, двухъ же остальныхъ оправдалъ. Гражданскимъ истца-мъ предоставлено право искать съ осужден-наго въ порядкѣ общихъ установленій.

Конотопскіе насильники, все-таки, по крайней мѣрѣ, какъ будто получили возмездіе за свои безобразія, хотя руссійское правосудіе, по обыкновенію, и здѣсь обруши-ло грома свои на «стрѣлочниковъ», а истин-ные виновники катастрофы остались безна-казанны и въ сторонѣ. Въ концѣ-концовъ, что сдѣлалъ Вѣнцовъ? Только то, что ему было разрѣшено начальствомъ. Онъ дисциплины не нарушилъ и самовольно дѣвицы Ц. не насиловалъ. Какъ истинный служака, онъ спер-ва отправился въ офицерскую, заручился та-мъ разрѣшеніемъ изнасиловать дѣвицу Ц. (удивительно, какъ еще разрѣшеніемъ лишь на словахъ, а не на бланкѣ полковой канцеляріи!) и только уже тогда приступилъ

къ «дѣйствию по командѣ»:

— Теперь можемъ расправляться, какъ хотимъ.

По-моему, это конотопское изнасилованіе еще болѣе ужасный показатель деморализаціи, чѣмъ шушинскій адъ. Адъ — такъ онъ адъ и есть. Люди обезумѣли, превратились въ дьяволовъ и совершаютъ безсознательныя дьявольскія мерзости. А тутъ — все спокойно, хладнокровно, въ порядкѣ дисциплины, съ разрѣшеніемъ по командѣ, — изнасилованіе по всѣмъ правиламъ воинскаго артикула... Я долго искалъ въ газетахъ, будутъ ли привлечены къ отвѣтственности офицеры, подъ командою которыхъ находились Вѣнцовъ, Латошниковъ и Вяликовъ. Но напрасно. Въ каторгу пошелъ «стрѣлочникъ». Начальники движенія остались безвѣстны и безнаказанны.

Какъ бы то ни было, въ удовлетвореніе телеграфистки Ц. была сыграна хоть комедія правосудія. Я увѣренъ, что Вѣнцовъ находится въ глубочайшемъ недоумѣніи, по какимъ, собственно, причинамъ онъ присужденъ въ каторгу? Онъ «спросился», ему разрѣшили,

онъ исполниль, – и вдругъ въ Сибирь. «Нешто моя вина? Спрашивай со старшаго»... Но о старшихъ исторія умалчиваетъ и Ѳемидъ не приказываетъ разговаривать.

И самъ Вѣнцовъ то понесъ отвѣтственность только потому, что, подобно Спиридоновой, телеграфистка Ц. – опять-таки – «ваша сестра», интеллигентка, и у нея оказался родитель, съ которымъ шутки плохи: умѣлъ дойти до суда... А сколько, быть можетъ, тотъ же Вѣнцовъ, Латошниковъ или Вяликовъ до того случая, какъ имъ попасться въ своихъ мерзостяхъ, спокойно и безнаказанно перепортили безотвѣтной «ихней сестры», городской и деревенской, мѣщанской и крестьянской дѣвки, у которой отцы безотвѣтны и беззащитны, какъ она сама?.. Въ особенности, жутко поставленъ роковой вопросъ о женской чести въ мѣстностяхъ съ инородческимъ населеніемъ. Военные постои въ Польшѣ, Литвѣ, Закавказьи, Прибалтійскихъ губерніяхъ, въ чертѣ еврейской осѣдлости, – всѣ опозорены надругательствами надъ честью туземныхъ женщинъ, настолько откровенными и гласными, что

факты эти, когда дѣлались достояніемъ печати, то даже не вызывали хотя бы формальныхъ опроверженій.

Стоить, молъ, разговаривать о такой обыденщинѣ! Вы бы еще о томъ, что дважды два не пять, а четыре! И – опять – нечего уже говорить объ адахъ на землѣ: объ изнасилованіяхъ подъ громъ такихъ острыхъ моментовъ реакціи, какъ кишиневскій, одесскій или бѣлостокскій погромы. Тамъ люди были звѣри. Они не всегда будутъ звѣрьми. Пройдетъ экстазъ звѣрства, они очнутя, и для многихъ изъ нихъ, быть можетъ, ужасомъ на всю жизнь останется воспоминаніе о неисправимыхъ подлостяхъ, въ которыя они увязли, наглотавшись ядовъ провокаціи, – водки, клеветы, анархіи, произвола насиловать жизнь, честь, имущество. Гораздо страшнѣе та спокойная, самоувѣренная, сознающая свою постоянную силу и «права», обыденщина безраскаянной власти вадъ женщиною, которую вкрапило въ сѣрую, трусливую жизнь запуганной русской обывательщины наше проклятое время.

Въ майской книжкѣ «Русской Мысли» въ

воспоминаніяхъ г. Пана «Изъ недавняго революціоннаго прошлаго» я встрѣтилъ такой эпизодъ. Мѣсто дѣйствія – жандармская комната на станціи Окницы, гдѣ арестовали г. Пана.

Я улегся на скамейкѣ и сталъ дремать. Спать я не могъ, мѣшалъ свѣтъ; а, главное, разговоры приходившихъ и уходившихъ жандармовъ; не стѣсняться же имъ было меня, комната эта была мѣстомъ отдохновенія для отдежурившихъ свои часы жандармовъ. Здѣсь они выпивали, обмѣнивались новостями. И мнѣ пришлось весь остатокъ ночи прослугаать сквозь дремоту такую пакость и мерзость, что и сейчасъ, какъ вспомню объ ихъ разговорахъ, душа содрогается,

– Былъ я вчера у жидка Мойши. «Ты чтожь, – говорю ему, – такой-сякой, сукинъ сынъ, жидъ паршивый, подводитъ вздумалъ? Гдѣ же твоя Хайка, что ты мнѣ обѣщаль? Чтожь ты, – говорю, жидюга, думаешь, что я тебѣ спущу твою кражу?» Да далъ ему подзатыльника. Жидъ и затрясся. «Что-жь вы, господинъ жандармъ, деретесь? Хайка сама не хотѣла идти, я ее къ вамъ посылалъ». А тутъ

и Хайка пришла. А я тогда былъ здорово выпимши, и здорово же она мнѣ тогда, чертовка, приглянулась. Я къ ней, облапилъ ее... пищить, жидовская морда, кусается. Разобрало меня: наклалъ ей въ шею такъ, что даже разревѣлась. Ушелъ я отъ нихъ, пригрозилъ жиду, что арестую его. Ну, да Хайка отъ меня не уйдетъ!

— Да что съ нею церемониться, посторожилъ бы ее гдѣ-нибудь ночью и сдѣлалъ, что нужно, — пусть жидовка жалуется и доказываетъ.

— А я вотъ Фроську-то уломалъ, тоже артачилась, и отецъ грозилъ. А что взяли? — кукишъ съ масломъ! Онъ же воровать, да покрывай ему, да онъ же и артачится, сволочь этакая!

Такіе милые разговоры пришлось мнѣ прослушать всю ночь. Какими беззащитными и униженными представились мнѣ всѣ мѣстные обыватели, особенно бѣднота; если простые жандармы могли позволять себѣ такъ гнусно и безнаказанно насильничать надъ ними.

Когда Аппій Клавдій изнасиловалъ

Виргинію, отецъ зарѣзалъ ее на улицѣ, и поднялся въ Римѣ великій бунтъ, который низвергъ децемвировъ. Позоръ Лукреціи стоилъ царства роду Тарквиніевъ и былъ начальнымъ моментомъ римской республиканской революціи. Поруганная честь сестры неаполитанскаго рыбака Мазаньелло потрясла величественную власть короля обѣихъ Сицилій. Лопе де-Вега, Лессингъ и Шиллеръ оставили намъ революціонныя трагедіи объ отцахъ, разрушающихъ тираннію абсолютизма, въ отмщеніе за своихъ поруганныхъ дочерей... Все это очень ярко, сильно, ослѣпительно-могуче, но было очень давно и очевидно, не въ нашихъ нравахъ. Россійскіе Виргиніи, Коллатины, Мазаньелло, Саломейскіе алькады, Одоардо Галотти и Веррины обладаютъ большимъ хладнокровіемъ и большею приспособленностью къ подлостямъ своей эпохи. Я много жилъ въ Италіи и на Балканскомъ полуостровѣ. Тамъ дико было бы сказать, что честь изнасилованной дѣвушки осталась неотомщеннойю. И это не по мужскимъ предразсудкамъ о мистической святости дѣвства, не по пережиткамъ

средневѣкового тюремнаго и замковаго рабства женщины, не потому, что невинность дѣвушки разсматривается, какъ собственность ея будущаго супруга. Нѣтъ, мстительные взрывы общественнаго мнѣнія противъ посягателей на женскую честь очень часты даже въ такихъ мѣстностяхъ (напр., въ нѣкоторыхъ уголкахъ Сербіи или въ Провансѣ), гдѣ мужчины къ цѣломудрію прекраснаго пола относятся съ самымъ философическимъ равнодушіемъ, дѣвушки-невѣсты пользуются полною свободою, и рѣдкая изъ нихъ, какъ у насъ поморки, идетъ замужъ, не будучи уже въ интересномъ положеніи. Мстители встаютъ не за условную физическую честь, нарушенную насильникомъ, а за абсолютный, нравственный принципъ ея, — за свободу женщины въ распоряженіи своею половою волею, за низведеніе женщины на степень безсловеснаго и безотвѣтнаго животнаго. Къ величайшему русскому горю, безправіе крѣпостнаго права стоитъ еще слишкомъ близко позади, за нашими плечами. А ужасное право это, по которому до сихъ поръ вздыхаютъ высоконравственные хра-

нителі семейныхъ очаговъ, выносило въ трехсотлѣтнемъ чревѣ своемъ и родило такія, напримѣръ, милыя сентенціи, — именно о женской чести, — что «тѣмъ море не испоганилось, что собака лакала»... И, въ концѣ концовъ, Оболенскій поретъ хохловъ нагайками и угоняетъ ихъ въ степь слушать издали, какъ на селѣ вопятъ насилуемая хохлушки, а въ какой-нибудь Окницѣ простой жандармъ едва не негодуетъ, что Хайка или Фроська смѣетъ барахтаться и кусаться, когда онъ лѣзетъ къ ней со своими звѣриными ласками.

Тамъ, гдѣ поруганная честь женщины можетъ оставаться не отомщенной, нѣтъ общества, потому что общество начинается съ уваженія къ чести женщины и признанія за женщиною права на половую волю.

Въ странѣ, гдѣ имѣются человѣческія группы, которымъ, на извѣстныхъ политическихъ условіяхъ, «всепозволено», нравственное разложеніе распространяется, быстрою заразою, отъ привилегированныхъ группъ этихъ, во всѣ слои общества. Воинъ, неистовствовавшій надъ злополучными подоянками или грузинками, уходя въ запасъ,

не сниметь съ себя, вмѣстѣ съ аммуниціей, той презрительной грубости, того безстыжаго одичанія, которыя!!!!висаитала въ немъ временно потокаемая распущенность. И многія, многія грубыя и темныя силы, присущія неразвитому, полуинтеллигентному слою, представляющему собою, такъ сказать, подпочву русскаго общества, проникнутыя отъ воина завистью къ его порочной удали и увѣренностью, что порокъ, самъ по себѣ, не есть порокъ, и преступленіе есть не столько преступленіе, сколько веселое препровожденіе времени, и вся штука – лишь въ томъ, чтобы поставить свой грѣхъ въ условія безнаказанности. Солдаты пронесъ въ народъ грамоту, которой обучила его служба. Но, если служба развращаетъ солдата, то солдаты же, неминуемо, пронесетъ въ народъ и свой развратъ. И не даромъ преступленія противъ женской чести, чуть не эпидемическія въ послѣднее время, развиваются, преимущественно, въ служебной средѣ, тѣсно родственной съ отставною и запасною военщиною, дружественной съ полиціей и жандармеріей, каковы, на примѣръ, стали теперь кадры

жельзнодорожныхъ служащихъ. Въ особенности, на дорогахъ, значенія, такъ сказать, внутренне-стратегическаго, каковы всѣ, примыкающія къ Петербургу.

Изнасилованіе женщины въ поѣздѣ или на станціи жельзнодорожными служащими, за послѣдніе годы, сдѣлалось настолько частымъ преступленіемъ, что — еще немного, и газеты начнутъ печатать подобныя сообщенія мелкимъ шрифтомъ, какъ пожарный случай безъ сбора всѣхъ частей или кражу на сумму не свыше 300 руб. Даже вѣдь и пресловутая золотовская исторія, которою, лѣтъ пять тому назадъ, открылся рядъ разоблаченій о «служебныхъ» покушеніяхъ на женскую честь, началась въ вагонѣ, продолжилась на станціи и лишь кончилась въ полицейскомъ участкѣ, при казацкой казармѣ. Развратъ въ русскомъ поѣздѣ — дѣло настолько обычное, что, напримѣръ, я самъ, собственными своими ушаміи, слышалъ трижды на разныхъ линіяхъ, какъ путешествующіе бонъвиваны заказывали, безъ всякихъ церемоній, проводникамъ спальныхъ вагоновъ:

– Пошарьте-ка, любезный, въ поѣздѣ, не найдется ли какой хорошенькой.

Одинъ разъ это было на участкѣ Одесса – Кіевъ, другой разъ – на Варшавской желѣзной дорогѣ, третій разъ – на Николаевской. Случалось и получать не менѣе откровенныя предложенія отъ поѣздной прислуги: не угодно ли, молъ? – въ сосѣднемъ вагонѣ имѣется подходящій товарищецъ, а мы рады стараться!.. Особенно, когда ѣдешь на дальнее разстояніе. Сибирскіе курьерскіе поѣзда протитуированы до такого дѣловитаго постоянства, что промышленяющія собою пассажирки являются, мало сказать, обычнымъ, – почти обязательнымъ придаткомъ къ прочимъ удобствамъ передвиженія. Гдѣ мѣняется бригада, тамъ мѣняются и кочующія проститутки. Сибирь – районъ частыхъ фамильныхъ передвиженій; чиновники, промышленники, достаточные люди изъ политическихъ ссыльныхъ, то и дѣло направляются къ пунктамъ своихъ назначеній или перемѣщеній цѣлымъ домомъ, съ дѣтьми, съ прислугою. Я. самъ испыталъ восторгъ такого странствія, и одною изъ непріятнѣйшихъ подробностей его вспоми-

наю – постоянную необходимость ограждать няньку и горничную, – хотя обѣ блистали гораздо болѣе честностью и добрыми нравами, чѣмъ красотою, – отъ охоты на нихъ чуть не всѣхъ мужчинъ въ поѣздѣ. И посредниками все время являлись кондуктора, истопники и пр.

– Помилуйте! – сказалъ мнѣ проводникъ поѣзда, когда я выразилъ ему нѣкоторое недоумѣніе по поводу подобнаго бѣснованія. – Онѣ у васъ – дуры какія-то. Недотроги, точно принцессы. Впервые такихъ вижу. Вѣдь это для ихней сестры – золотое дно. Иная, за девять дней пути, такъ оперяется, что въ Иркутскъ пріѣзжаетъ богаче своихъ господъ.

Приблизительно то же самое рассказывали мнѣ многіе одесситы о юго-западныхъ желѣзныхъ дорогахъ. При кондукторскомъ посредствѣ, къ услугамъ пассажировъ, не робѣющихъ предъ опасностями амурной случайности, всегда находится или въ поѣздѣ, или на станціи отправленія «дама, потерявшая билетъ», «дама, у которой не достало денегъ на доплату», и тому подобныя, благовидно вуалированныя спеціалистки

жельзнодорожной проституціи. Ихъ берутъ, точно билеты въ кассѣ: одна работаетъ до Жмеринки, другая до Раздѣльной и т. д. Еще болѣе удивительна Царскосельская жельзная дорога. Несмотря на то, что все ея протяженіе – не болѣе, какъ на часъ времени, ея вокзалы въ Петербургѣ, Царскомъ Селѣ и Павловскѣ – настоящіе рынки шикарной проституціи, спеціально обслуживающіе офицерство конвоя и гвардейскихъ стоянокъ этого района. И мнѣ показывали модную знаменитость этихъ рынковъ, которая, – промышляя спеціально взвращеннымъ развратомъ, – что называется, не сходитъ съ поѣзда, неутомимо движется по рельсамъ между Питеромъ и Павловскомъ и обратно съ ранняго утра до поздней ночи. Замѣьте при этомъ, что на Царскосельской жельзной дорогѣ принлты только общіе вагоны, безъ какого бы то ни было подобія отдѣльныхъ купе! Такимъ вароботкомъ, говорятъ, положила начало своему благосостоянію особа, имя которой недавно усердно трепалось и молвою, и печатью по поводу нѣкотораго министерскаго процесса.

Тамъ, гдѣ существуетъ проституція, нераз-

лучно вырастаетъ и фабрикація проституціи: сводничество, соблазнъ, подкупъ, обольщяіе, грубое насиліе. Все это нашло довольно подробное изображеніе въ моей «Маріи Лусьевой» и въ статьяхъ о проституціи, вошедшихъ въ настоящую книгу. Помимо книжнаго и газетнаго матеріала, въ основу названныхъ работъ легли, какъ «человѣческіе докумен-ты», личные опросы 98 проституттокъ явныхъ и тайныхъ, собранные мною въ 1896–1901 гг. У одиннадцати изъ этихъ женщинъ, то есть болѣе 11 %, въ паденіи, выбившемъ ихъ изъ условій трудового или буржуазнаго быта на рынокъ разврата, сыграло рѣшающую роль желѣзнодорожное или пароходное путешествіе. Къ сожалѣнію, при мнѣ нѣтъ сейчасъ моего архива – для болѣе точныхъ данныхъ. Но помню, что изъ 11 три настаивали, что были жертвами насилія со стороны желѣзнодорожныхъ служащихъ или пассажировъ, при помощи желѣзнодорожныхъ служащихъ, а три погибли, опоенныя того же рода безобразниками на волжскихъ пароходахъ. Что нѣкоторые изъ послѣднихъ въ іюнѣ и іюль превращаются въ плавучіе публичные

дома, – кому же сей секретъ полишинеля неизвѣстенъ? Не лучше того и служебныя отдѣленія поѣздовъ, подъ командою иныхъ дошлыхъ оберовъ и согласной съ нимъ, дружной бригады. Во Владимирской губерніи фабричная дѣвка жалуется на плохіе заработки, хочетъ уѣхать въ Москву. Ее отговариваютъ:

– На что поѣдешь? У тебя, поди, и на билетъ-то не хватитъ?

– А на кой лядъ мнѣ билетъ? – острить дѣвка, – меня, за красоту мою, любой оберъ даромъ доставить въ служебномъ, – еще и пару золотыхъ въ Москву привезу... Теперь время ярмарочное!

Но все это – опять-таки, Өетиньи, «не наша сестра», – «безпастушное стадо» толстовскаго Митрича, двуногія овцы, которыхъ судьба падать по первому властному натиску челоуѣка съ начальственнымъ горломъ и въ свѣтлыхъ пуговицахъ. И, пожалуй, найдутся Стаховичи, которые борьбу и съ этимъ зломъ найдутъ «не спѣшною»: вѣдь, въ самомъ дѣлѣ, не отмѣнить же движеніе по желѣзнымъ дорогамъ и рейсы пароходные изъ-за того, что время отъ времени тамъ погибаетъ глупенькая

довѣрчивая дѣвочка-пассажирка, здѣсь вовлекается въ развратъ опоенная баба... Въ признаніяхъ торговца живымъ товаромъ, изложенныхъ Жаномъ Лорренъ въ его «Florine», изъясняется очень подробно, какую огромную роль играетъ въ этомъ промыслѣ вокзальная ловля прїѣзжающихъ въ Парижъ провинціалокъ и какъ участвуютъ въ этой облавѣ кондукторы поѣздовъ, еще въ пути намѣчающіе дѣвушекъ, пригодныхъ почтеннымъ коммерсантамъ, и направляющіе ихъ по предательскимъ адресамъ «рынковъ бѣлыхъ невольницъ». Можемъ ли мы съ увѣренностью утверждать, что подобнаго сообщничества не знаютъ наши желѣзныя дороги? Что касается вокзальной вербовки въ проституцію, то противъ нея, въ Петербургѣ, на примѣръ, неоднократно принимались полицейскія мѣры, потому что она доходитъ до наглой откровенности и работаетъ en masse — въ тѣ весеннія полосы, когда подходящіе къ столицѣ поѣзда выбрасываютъ на дебаркадеръ тысячи новгородскихъ, псковскихъ, вологодскихъ, олонечскихъ, архангельскихъ чернорабочихъ «аравушекъ»,

съ холщевою котомкою за плечами, съ двугривеннымъ капитала, завязаннымъ въ угловой узелокъ платка, съ деревенскою свѣжестью лица и тѣла и съ весьма малымъ количествомъ мозга подъ черепною покрывкою.

Но, если отъ «малыхъ сихъ» мы подыдемся повыше, въ мягкія обстановки второго и перваго классовъ, то увидимъ, что и здѣсь приключенія, въ родѣ обличеннаго Борецкимъ, далеко не невозможны, даже не исключительны. Пусть дамы, странствовавшія много и одиноко, вспомнятъ свои путевыя впечатлѣнія: почти у каждой встанетъ въ памяти какое-либо — и не одно! — желѣзнодорожное или парходное ухаживаніе, въ которомъ любезность такъ тѣсно граничила съ наглостью, что дамъ едва доставало такта, чтобы тянуть время безъ скандала, покуда не выручало ея появленіе какихъ-либо третьихъ лицъ. Правда, что бываетъ и наоборотъ. Существуетъ, напримѣръ, прелюбопытная порода кочевыхъ дамочекъ изъ пожилыхъ Еленъ, скучающихъ при вовсе дряхлыхъ Менелаяхъ, изъ старѣющихъ разво-

докъ, неутѣшныхъ вдовицъ и полудѣвъ, не обрѣтшихъ мужа, — для которыхъ путешествіе по Волгѣ — такое же систематическое средство избывать озлобленіе тѣлесное, какъ для ялтинскихъ и кисловодскихъ курортныхъ барынекъ — прогулки съ проводниками, но гораздо болѣе дешевое и менѣе огласочное. Правда, что на душу такихъ веселыхъ грѣшницъ приходится переложить много грѣха изъ той амурной наглости, что встрѣчаетъ и окружаетъ на русскихъ поѣздахъ и пароходахъ едва-ли не каждую одинокую и красивую пассажирку. Но, все же, вина путейскаго Адама не таетъ отъ извинительной ссылки на Еву, и яблочныя соблазны ея, и безобразіе остается безобразіемъ, а подлецы — подлецами.

Я старый журналистъ, всегда жилъ въ тѣсномъ общеніи съ публикою, и на вѣку своемъ много принялъ конфиденцій. И, такъ какъ я много занимался женскимъ вопросомъ, то, преимущественно, достаивался конфиденцій женскихъ. Много видѣлъ я женскихъ слезъ, катящихся изъ глазъ по щекамъ во время устной исповѣди, или расплывших-

ся, вмѣстѣ съ чернилами, по бумагѣ исповѣди письменной. Словомъ, слезами меня не удивишь. Но однѣ изъ самыхъ ужасныхъ слезъ, которыя я помню, падали изъ глазъ прекрасной женщины, – уже не слишкомъ молодой, лѣтъ за тридцать, матери семейства, съ хорошимъ общественнымъ положеніемъ, – прїѣхавшей ко мнѣ въ 1898 году посоветоваться... куда ей бѣжать отъ семьи и любимаго мужа, чтобы скрыть беременность, невинно возникшую изъ приключенія, почти однороднаго съ дѣломъ Егоровой. Разница была только въ томъ, что «героємъ» явился контролеръ, воспользовавшійся ночнымъ одиночествомъ несчастной красавицы въ вагонѣ перваго класса... Ну, что же было дѣлать съ этимъ негодяемъ? Заявить жалобу станціонному жандарму? Составить протоколъ? Себѣ дороже. Насиліе – для женщины извѣстныхъ буржуазныхъ круговъ – несчастіе, съ которымъ она, въ современномъ обществѣ, можетъ раздѣлаться лвшь двумя способами: либо трагическимъ скандаломъ – убійствомъ и самоубійствомъ во вкусѣ римской Лукреціи, либо скрывъ свой позоръ

такъ, чтобы о немъ и подушка подъ головою не слыхала... Есть неповинные срамы, обличать которые не найдеть въ себѣ гражданскаго мужества ни одна «порядочная женщина». А если найдеть, то предразсудочная среда цѣломудренной буржуазіи, все равно, отлучить ее, какъ зачумленную овцу, и приготовить ей судьбу той «мадамъ Баттистъ», потрясающую трагедію которой рассказалъ намъ Гюи де-Монассанъ.

Ни одно преступленіе не съѣдается такъ часто и полно беззащитнымъ и робко-разсудочнымъ молчаніемъ жертвы, какъ изнасилованіе. И, поэтому, когда выплываютъ на чистую воду мерзости, подобныя егоровскому дѣлу, общество въ правѣ ждать отъ юстиціи своей, — даже въ тѣхъ обломкахъ, какъ мы имѣемъ ее сейчасъ, — самаго тщательнаго и гласнаго ихъ разслѣдованія, самой суровой ихъ кары участвовавшимъ негодьямъ и, затѣмъ, самыхъ дѣятельныхъ мѣръ къ принципиальному искорененію передвижныхъ разбойничьихъ компаній, женолюбивые подвиги которыхъ то и дѣло вспыхиваютъ то здѣсь, то тамъ, на рельсовой сѣти русской, по-

добно сквернымъ болотнымъ огонькамъ. Пути сообщенія должны быть путями сообщенія, а не засадами разбоя, а не пріютами проституціи, альфонсизма, сводничества и насильничающаго сатириазиса. Въ Англіи, если купе занято одною дамою, пассажиръ никогда не войдетъ въ него, потому что такой tête à tête почитается двусмысленнымъ (тоже нравы!).. У насъ, наоборотъ, пассажирка боится остаться одна въ купе, потому что къ ней – «можетъ влѣзть всякій», а, пуще всякаго, сами же присяжные тѣлохранители путешествующихъ странниковъ и странницъ – желѣзнодорожные Соловьи Разбойники.

1907.